

Субъект Бартлби

ДЕНИС СИВКОВ

Доцент, кафедра теоретической социологии и эпистемологии,
Институт общественных наук (ИОН), Российская академия
народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС).
Адрес: 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: d.y.sivkov@gmail.com.

Ключевые слова: субъект; объект; актант;
реляционная онтология; действие; «Бартлби»;
Герман Мелвилл.

Интерпретация формулы «Я бы предпочел не» (*I would prefer not to*) переписчика Бартлби — героя новеллы американского писателя Германа Мелвилла — вызов для многих философов современности. Бездействуя, Бартлби в то же время демонстрирует признаки активной политической позиции. Проблема в том, как объяснить это (без)действие. Неясно, является ли переписчик с Уолл-стрит активным субъектом или пассивным объектом. Одно из решений задачи Бартлби представляет редукцию двойственной позиции к одному из модусов. Майкл Хардт и Антонио Негри объявляют переписчика революционным субъектом; неопределенность его действий считается отказом. Хардт и Негри дополняют этот отказ следующей стадией производства нового общества и субъекта. Позиция Славоя Жижека в отношении «политики Бартлби» также является двойственной. Словенский философ, с одной стороны, критикует авторов «Империи», а с другой стороны, объявляет Бартлби

фигурой параллакса, совмещающей действие и бездействие. При этом Жижек не определился с онтологическим статусом переписчика: является ли он хитрым субъектом ускользания или различием-основанием самой системы.

В противоположном направлении Жиль Делёз и Джорджо Агамбен предлагают программу десубъективации переписчика с Уолл-стрит. Здесь Бартлби предстает не субъектом, а фигурой онтологии трансцендентного истока, который существует до всех онтических различий. В статье предлагается радикально иное решение проблемы Бартлби. Речь идет об отказе от дихотомии субъекта и объекта и движения в сторону объектно-ориентированной теории действия и реляционной онтологии, представленных в работах Бруно Латура. В этой онтологии любые акторы (человеческие и нечеловеческие) ситуативно могут оказаться действующими или бездействующими в зависимости от позиции по отношению к другим акторам.

— Да кто же он такой, прости Господи?
— Не могу Вам сказать. Мне о нем ничего не известно.

Герман Мелвилл. Писец Бартлби

Образ Бартлби требует онтологической интерпретации.

Майкл Хардт, Антонио Негри. Империя

ПЕРЕПИСЧИК Бартлби, герой новеллы американского писателя Германа Мелвилла, несомненно, субъект. При этом субъект загадочный и подозрительный. А еще он превращается в объект; его «формула-глыба» (Жиль Делёза) «Я бы предпочел не» (*I would prefer not to*) — это скандал, о который спотыкаются философы и рядовые читатели (в греческом *skandalon* — камень преткновения)¹. Пожалуй, Бартлби Мелвилла — самый популярный литературный персонаж среди известных философов конца XX века. За двадцать с небольшим лет о переписчике с Уолл-стрит написали Морис Бланшо, Жиль Делёз, Жак Деррида, Джорджо Агамбен, Майкл Хардт и Антонио Негри, Славой Жижек². Содержание новеллы Мелвилла также анализируется в контексте

1. См. у Рене Жирара: «Как и еврейский термин, переводом которого оно является, греческое *skandalon* означает не какое-то обычное препятствие, которого не составит труда избежать, после того как один раз с ним столкнешься, а некое парадоксальное препятствие, которого почти невозможно избежать: в самом деле, чем сильнее скандал нас отталкивает, тем сильнее он нас притягивает. Споткнувшийся прилагает тем больше рвения вновь об этот камень ушибиться, чем сильнее уже об него ушибся прежде». И далее в сноске: «*Skandalon* буквально означал камешек, о который можно споткнуться на дороге» (*Жирар Р. Я вижу Сатану, падающего, как молния*. М.: Издательство ББИ, 2015. С. 23).
2. *Agamben G. Bartleby, or Contingency* // *Agamben G. Potentialities*. Stanford: Stanford University Press, 1999. P. 243–271; *Blanchot M. The Writing of the Disaster*. Lincoln; L.: University of Nebraska Press, 1995; *Derrida J. The Gift of Death*. Chicago; L.: University of Chicago Press, 1995; *Делёз Ж. Бартлби, или формула* // Он же. Критика и клиника. СПб.: Machina, 2001. С. 96–124; *Хардт М., Негри А. Империя*. М.: Праксис, 2004. С. 192–194; *Жижек С. Устройство разрыва. Параллаксное видение*. М.: Европа, 2008. С. 457–465.

философий Фридриха Ницше, Эммануэля Левинаса, Алена Бадью и других авторов³. Видимо, Бартлби не только позволяет великим философам, как отмечает Кевин Ателл, очерчивать контуры собственной теории и полемизировать друг с другом⁴. Дело в другом. Его формула представляет собой вызов, своего рода философскую задачу типа теоремы Ферма или гипотезы Пуанкаре для математиков, решить которую достойно каждого философа. Суть задачи в том, что формула содержит в себе признаки пассивности, но в то же время является обозначением позиции, действием *sui generis*. Вопрос в том, как можно одновременно удерживать активность и пассивность, действие и бездействие, в каком контрадикторном, дополняющем или примиряющем режиме и как можно говорить о них? Как философствовать о субъекте (объекте?) Бартлби?

Одним из первых на это затруднение обратил внимание французский философ и писатель Морис Бланшо:

Об отказе говорится как о первой степени пассивности. Но если отказ намеренный и добровольный, если он выражает решение — хотя и негативное, — он не позволяет отделить себя от власти сознания и не подходит ближе к пассивности, чем к этому действию, или отказу, со стороны Я (*self*). А еще отказ стремится к Абсолюту, независимому от каких-либо определений. Это суть отказа, который выражает неумолимое «Я бы предпочел не» переписчика Бартлби: воздержанность, с которой до конца не определились, которая предшествует всем решениям и которая является не столько отрицанием, сколько, скорее, отречением... «Я бы предпочел не...» принадлежит к бесконечности терпения; никакое диалектическое вторжение невозможно предпринять в эту пассивность⁵.

3. Bigalli F. "And Who Are Thou, Boy?": Face-to-face with Bartleby; Or Levinas and the Other // *Leviathan: A Journal of Melville Studies*. 2010. № 3. P. 37–53; *Pardes I. Melville's Bibles*. Berkeley; Los Angeles; L.: University of California Press, 2008; *Randall D. S. Neutered Narration and the Scriptive Fate of the Spirit of Ressentiment: "Bartleby the Scrivener" and Herman Melville* // *Boundary 2*. 1986–1987. № 1–2. P. 85–106; *Saxby J. Toadstools, Bartleby, and Badiou: Herman Melville's Response to the Quest for the Historical Jesus* // *Religion and the Arts*. 2015. № 19. P. 51–73.
4. Attell K. Language and Labor, Silence and Stasis: Bartleby Among the Philosophers // *A Political Companion to Herman Melville* / J. Frank (ed.). Lexington: The University Press of Kentucky, 2013. P. 195, 203.
5. Blanchot M. *Op. cit.* P. 17.

Вроде бы речь идет о кататонической пассивности копировальщика, однако она парадоксальным образом оборачивается активной позицией странного субъекта. Ведь дело еще и в том, что рассказчик-юрист у Мелвилла специально уточняет позицию Бартлби: «Вы не пойдете?» (*You will not?*). Юристу нужна определенность. «Предпочту не ходить» (*I prefer not*), — отвечает переписчик⁶. Соответственно, формула и позиция переписчика находятся «по ту сторону» отказа или принятия. Бартлби — сама неопределенность. Мы не знаем, кто он такой — пассивный объект, активный субъект, пассивный субъект или активный объект. Стена, перед которой стоит и на которую пялится Бартлби, становится символом безысходности. Судя по всему, эту стену и пытаются разбить европейские философы. Переписчик заставляет переписать (или предпочесть не делать этого) историю и метафизику европейского политического субъекта в контексте проблемы (без)действия.

В политической философии неопределенность и двусмысленность, связанные с субъектом, имеют давнюю историю. Как это часто бывает с исходными философскими понятиями, древнегреческий термин *hupokeimenon* и затем *subjectum* в латинской традиции использовались в двух значениях: как пассивное подлежащее и как активное начало, основа действия⁷. Во второй половине XX века проблематика субъекта связана с попыткой решить парадокс одновременно активного и пассивного субъекта. С одной стороны, эти решения обусловлены хайдеггеровской критикой «о-предмечивающего пред-ставления» новоевропейской субъективности, берущего свое начало с Декарта⁸. С другой стороны, это линия, которая исходит от Альтюссера и Фуко и продолжается в работах Джудит Батлер, где субъект как подлежащее вообще-то получает свою определенность, содержание и свободу за счет зависимости от власти. В этом смысле

... в каждом случае власть, что сначала выглядит как внешняя, угнетающая субъект, под давлением понуждающая его к субор-

6. Мелвилл Г. Писец Бартлби // Он же. Повести. М.: Художественная литература, 1977. С. 34.

7. Запутанную, но увлекательную историю субъекта, субъектности и субъективности в европейской интеллектуальной традиции см. в: Балибар Э., Кассен Б., де Либера А. *Sujet* // Европейский словарь философии: Словарь непереводимостей. К.: Дух і літера, 2015. Т. 1. С. 164–192.

8. См.: Хайдеггер М. Время картины мира // Он же. Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 58–61.

динации, обретает психическую форму, выстраивающую самоидентичность субъекта⁹.

Задача, которая стоит в данном эссе, — попытаться через анализ ряда философских интерпретаций новеллы Мелвилла понять, что это за субъект (или все же объект?) такой писец Бартлби и как можно не-диалектически (без снятия в новом напряжении) мыслить пассивность и активность его политической субъективности.

Революционный субъект

Одно из решений проблемы радикальной пассивности предлагается Майклом Хардтом и Антонио Негри в книге «Империя». Не особо заботясь об одновременном удержании активности и пассивности, авторы дают интерпретацию формулы Бартлби, в которой переписчик предстает эдаким радикальным революционером. По мнению философов-марксистов, жест, посредством которого переписчик и не соглашается, и не отказывается, делает его отказ абсолютным. Это своего рода революционная хитрость работника, подрывающая основы системы¹⁰. Отказ Бартлби интерпретируется в контексте марксистской критики отчуждения труда рабочих. Чтобы преодолеть это капиталистическое отчуждение, необходимо отказаться от труда. Например, вот таким непонятным способом, «предпочитая не». Как отмечали авторы «Империи»,

... персонаж Мелвилла служит воплощением долгой традиции отказа от работы... Он не отказывается от той или этой задачи, как и не дает объяснения своего отказа — он лишь пассивно и абсо-

9. Батлер Дж. Психика власти: теории субъектности. Харьков; СПб.: ХЦГИ; Алетейя, 2002. С. 17. См. также: Фуко М. Субъект и власть // Он же. Интеллектуалы и власть. М.: Праксис, 2006. Ч. 3. С. 161–190; Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) // Неприкосновенный запас. 2011. № 3. С. 14–58.
10. Ср. с повседневной браконьерской хитростью у Мишеля де Серто: «В реальности рационализированное, экспансионистское, централизованное, зрелищное и шумное производство скалживается с производством совершенно другого типа, определяемым как „потребление“, которое характеризуется своими уловками, распылением по воле случая, браконьерством, подпольем, непрерывным бормотанием, короче, почти незримостью, поскольку оно заявляет о себе не посредством собственной продукции (где оно могло бы ее разместить?), а при помощи искусства использовать ту, которая ему навязывается» (Де Серто М. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб.: ЕУСПб, 2013. С. 103).

лютно уклоняется... его отказ столь неопределен, что становится абсолютным¹¹.

Но отказа от труда недостаточно, поэтому Хардт и Негри хотят дополнить формулу Бартлби, противоречащую Спинозистской онтологии производства. Переписчик как будто расчищает почву для дальнейших действий. Как отмечали авторы «Империи», «отказ от работы и отрицание власти, или в действительности отказ от добровольного крепостничества, есть начало освободительной политики»¹². После отказа необходимо новое учреждение, новое производство.

По ту сторону отказа или как часть этого отказа нам нужно также создать новый способ жизни и, прежде всего, новое сообщество. Этот проект ведет не к жизни самой по себе, к *homo tantum*, но к *homo homo*, человеческой природе в квадрате, обогащенной коллективным разумом и любовью сообщества¹³.

При этом, правда, не ясно, откуда Бартлби должен взять ресурсы для нового подлинного производства. Возможно, переписчик с Уолл-стрит отойдет от дел, а строительством коммунизма должны заняться рассказчик-юрист со своей командой, состоящей из Индюка, Кусачки и Имбирного пряника.

Таким образом, Хардт и Негри пытаются обойти проблему одновременного удержания активности и пассивности в случае с субъектом Бартлби. По сути, они сводят неопределенность субъективности переписчика только к одному из модусов и предлагают достроить модель учреждением новой субъективности в контексте своей онтологии производства. Философы-марксисты расщепляют и темпорализуют (не)деяние Бартлби.

Двухтактную революционную модель, в которой Бартлби используется для революционной расчистки, или приостановки, критикует словенский философ Славој Жижек. В своей книге «Параллаксное видение» он говорит об эффектах параллакса, когда происходит сцепление явлений или событий, которые, по идее, вообще не должны быть связаны друг с другом. Например, между насилием и искусством существует «невозможное „короткое замы-

11. Хардт М., Негри А. Указ. соч. С. 193.

12. Там же.

13. Там же. С. 194.

кание“ уровней, которые по структурным причинам не смогут никогда пересечься»¹⁴.

Параллаксное смещение позволяет нам увидеть, что в сопротивлении насилию присутствует само насилие, в революции — террор и т. д. В этом смысле отказ от чего-либо не решает проблемы: «сам жест отказа от наслаждения... порождает свое прибавочное наслаждение»¹⁵. При этом важно различать эпистемологический и онтологический параллакс. Первый схватывает незначительное различие при незначительном же изменении позиции наблюдателя. Второй является некоторым структурным признаком реальности, обозначая некоторую неразличимость, близость несвязанных вещей.

Соответственно, фигура Бартлби — это онтологическая фигура параллакса, которая совмещает в себе отказ и сопротивление. В этом смысле сопротивление, за которое выступают Хардт и Негри, оказывается бессмысленным. Переписчик с Уолл-стрит — фигура актуальной политики, которую Жижек называет «политикой Бартлби». Преимущество этой политики в том, что она не утверждает и не отрицает:

Бартлби не отрицает предикат, скорее, он утверждает не-предикат: он не говорит, что *он не хочет этого делать*; он говорит, что *он предпочитает (хочет) этого не делать*. Так мы переходим от политики сопротивления или протеста, которая паразитирует на том, что она отрицает, к политике, которая открывает новое пространство за пределами гегемонистской позиции и ее отрицания¹⁶.

Хитрый в своей неразличимости отказ Бартлби приостанавливает переход от негативности к позитивности и *vice versa*.

Отсюда Жижек делает два противоречивых вывода. Во-первых, он вроде бы отказывает Бартлби в его субъектности. Критикуя Хардта и Негри, Жижек предлагает неразличимость считать онтологическим источником и/или условием возможности:

Позиция Бартлби — это не просто первая, подготовительная, стадия для второй, «более созидательной» работы по формированию нового альтернативного порядка; это сам источник и условие такого порядка, его неизменная основа¹⁷.

14. Жижек С. Указ. соч. С. 11.

15. Там же. С. 457–458.

16. Там же. С. 460. Курсив автора.

17. Там же. С. 461–462.

В то же время Жижек оставляет переписчика в качестве носителя параллакса и возвращает идею отказа:

Второй и еще более важный момент заключается в том, что самоустранение, о котором сигнализируется «я бы предпочел отказать», нельзя сводить к позиции «скажи „нет!“ „Империи“»; оно относится прежде всего ко всему многообразию и богатству форм сопротивления... <...> ...«я бы предпочел не» сигнализирует об отказе играть в западную буддистскую игру «социальная реальность — это просто иллюзорная игра»¹⁸.

Таким образом, Жижек все-таки не может определиться с онтологическим статусом Бартлби: субъект ли он как пример хитрого ускользания-сопротивления системе или основание самой системы. В общем, словенский философ снова воспроизводит античную двусмысленность *ηυροκειμενον*, что возвращает решение задачи на стадию «дано».

Десубъективация Бартлби

Если Жижек колеблется и не может решить, считать ли Бартлби субъектом или основой, то Жиль Делёз и Джорджо Агамбен, скорее, десубъективируют Бартлби, выводя его за пределы действия или без-действия, активности и пассивности, за пределы всех возможных различий. Бартлби — это не субъект, а гностическая Плерома, бесосновное (*Ungrund*) Якоба Бёме и Шеллинга или без-дна (*Ab-grund*) Хайдеггера — первооснова, в которой невозможно ничего различить, но которая сама порождает все возможные различия¹⁹.

Для Делёза формула переписчика — нечто большее, чем нарушение правил грамматики, чем «подрыв предпосылок языка»²⁰. Слова, которые произносит переписчик, разрушают все устоявшиеся отношения и притом распространяются на всех, кто сталкивается с этой формулой:

18. Там же.

19. См.: Йонас Г. Гностицизм (Гностическая религия). СПб.: Лань, 1998. С. 184–188; Шеллинг Ф. В. Й. Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах // Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 2. С. 149; Хайдеггер М. Положение об основании. Ст. и фрагм. СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 1999. С. 186, 190.

20. Делёз Ж. Указ. соч. С. 103.

Нет никакого сомнения — формула разрушительна, опустошительна, ничего не оставляет после себя. Сразу заметен ее заразительный характер: Бартлби «выворачивает» язык других²¹.

Слова Бартлби не позволяют классифицировать, отменяют устоявшиеся понятийные и социальные иерархии:

...его формула расчленяет всякий речевой акт, превращая Бартлби в сущего изгоя, который не может быть приписан ни к одной социальной категории²².

Переписчик у Делёза превращается в трансцендентное любому человеческому опыту начало. Французский философ предлагает считать Бартлби «оригиналом» — основой этого мира, в то же время подрывающей порядок и систему различий.

Каждый оригинал — это могучая одинокая Фигура, выходящая за пределы любой объяснимой формы: он сияет ослепительными выразительными чертами, которые знаменуют упрямство мысли, не имеющей образа, вопроса, не знающего ответа, предельной и лишённой рациональности логики. Будучи фигурами жизни и знания, они знают нечто неизъяснимое, живут чем-то неопостижимым. В них нет ничего общего и ничего особенного: они уклоняются от познания, бросают вызов психологии. Даже слова, которые они произносят, выходят за рамки общих законов языка («предпосылок») и обычных особенностей речи, поскольку являются чем-то вроде останков или намёток некоего единого исходного, первичного языка и уводят язык целиком к границам тишины и музыки. В Бартлби нет ничего ни особенного, ни общего, он Оригинал.

Оригиналы являются существами первой природы, но они неотъемлемы от мира, или второй природы, и оказывают на них свое воздействие: обнаруживают их пустоту, несовершенство законов, ничтожность созданий особенных, маскарадный характер мира²³.

При этом рассказчик в произведении Мелвилла становится пророком:

Роль пророков, тех, кто оригиналами не является, и заключается в том, что только они и могут распознать следы оригина-

21. Там же. С. 99.

22. Там же. С. 103.

23. Там же. С. 99.

лов в мире и неизъяснимое беспокойство, которым они мир заражают²⁴.

Очевидно, что здесь чудаковатый клерк с Уолл-стрит выводится за пределы языковых и иных различий.

Джорджо Агамбен продолжает линию Делёза по десубъективации. Для итальянского философа переписчик тоже не субъект; он — фигура контингентности, или чистой потенциальности. Формула означает, что Бартлби *может* писать, но *не* пишет. Возможность, которая способна делать что-либо, тут же превращается в действительность. Чтобы оставаться «совершенной возможностью», она должна быть способной не делать это²⁵. Тем самым он становится потенциальностью — чистой, высшей возможностью Аристотеля, которая не переходит в действительность, — это वोсковая дощечка для письма или Ум, мыслящий сам себя. Итальянский философ отмечал:

Как писец, который прекратил писать, Бартлби является экстремальной фигурой Ничто, из которого происходят все творения. В то же время он производит непримиримое утверждение того, что это Ничто является чистой, абсолютной потенциальностью. Переписчик стал письменной дощечкой; теперь он не что иное, как белая страница²⁶.

В смысле сказанного потенциальность, или контингентность, как *epoche* у скептиков, не склоняется ни к одной из возможностей: «Освобождая себя от бытия так же, как и от не-бытия, потенциальность создает свою собственную онтологию»²⁷. Агамбен в финале своего эссе интерпретирует слух из «Бартлби», согласно ко-

24. Там же.

25. В «Грядущем сообществе» Агамбен писал: «В трактате „О душе“ Аристотель представляет эту теорию буквально как высшую тему всей метафизики. Если бы мысль и в самом деле была одной лишь возможностью мыслить нечто интеллигибельное, то она тотчас бы становилась бытием актуальным, переходя целиком в акт, — пишет он, — и потому она неизбежно оказывалась бы ниже собственного объекта, но мысль по своей сущности есть чистая возможность, то есть это также возможность не мыслить... <...> Всякий акт, порождающий совершенное письмо, происходит не из возможности писать, но из невозможности или бессилия, обращенного к самому себе, и таким образом он постигает себя как чистый акт» (Агамбен Дж. Грядущее сообщество. М.: Три квадрата, 2008. С. 39–40).

26. Agamben G. Op. cit. P. 253–254.

27. Ibid. P. 259.

тому переписчик, перед тем как попасть на Уолл-стрит, работал в отделе неотправленных писем, где он, собственно, тронулся умом и стал «предпочитающим не». По мнению Агамбена,

... неотправленные письма — это шифр счастливых событий, которые могли бы случиться, но так никогда и не произошли²⁸.

В этом смысле Бартлби как чистая потенциальность, как онтологическая фигура находится по ту сторону всех возможных онтических различий. Агамбен и Делёз, интерпретируя новеллу Мелвилла, десубъективируют переписчика и тем самым онтологизируют его как трансцендентальный исток, находящийся до какого-либо субъекта или объекта, из которого только и могут произойти различия пассивности и активности.

Объектно-ориентированный Бартлби

Десубъективация Бартлби, произведенная Делёзом и Агамбеном в рамках хайдеггеровской онтологии истока, требует сделать еще один шаг в решении задачи субъективности переписчика в рамках реляционной онтологии. Пожалуй, так Бартлби можно будет не считать субъектом, который мог бы позволить себе быть активным, отказываться, сопротивляться и хитрить. Как уже неоднократно указывалось, молчаливый Бартлби, оставаясь бездействующим, все же оказывает воздействие на нашего юриста:

Порою пассивность Бартлби выводила меня из терпения. Меня так и подмывало нарочно его раззадорить, вызвать и у него ответную вспышку гнева. С тем же успехом я стал бы тщить пальцами искру из куска душистого мыла²⁹.

Бартлби — все то внешнее, на что влияние юриста с Уолл-стрит ограничено. В этом смысле для рассказчика писец воплощает сопротивление всей реальности, с которой сталкиваются так или иначе. Рассказчик так формулирует *Sehnsucht* онтологического сопротивления: «Меня неудержимо тянуло испытать судьбу. До смерти хотелось еще раз встретить отпор»³⁰. Сопротивление реальности, с одной стороны, объективирует Бартлби, но, с другой стороны, делает его действующим даже в пассивном состоя-

28. Ibid. P. 269.

29. Мелвилл Г. Указ. соч. С. 32–33.

30. Там же. С. 33–34.

нии. В этом смысле пассивность вовсе не означает без-действие; она является одним из модусов действия.

Совершенно не случайны кататонические состояния переписчика, который застывает перед кирпичной стеной. Финальная объективация Бартлби опять-таки происходит на фоне стены:

И вдруг я увидел, что у самой стены, весь скрючившись, поджав колени, головой касаясь холодного камня, лежит бледный, исхудавший Бартлби. Совершенно неподвижный. Я замер на месте; потом подошел к нему, наклонился и увидел, что мутные глаза его открыты, а сперва мне показалось, что он крепко спит. Что-то побудило меня коснуться его. Я дотронулся до его руки, и дрожь пробежала у меня к плечу, вниз по спине, к ногам³¹.

Недвижимый клерк превращается в объект среди объектов. Не только формула, но и объективация переписчика распространяется на окружающих. Так, время от времени неподвижным объектом становится сам рассказчик: «Я превратился в соляной столб»³².

Как заметил один из комментаторов философского анализа новеллы Мелвилла, «подчас невозможно передать сопротивление Бартлби без другого уровня сопротивления со стороны юриста»³³. Переписчик и рассказчик, Имбирный пряник, Кусачка и Индюк, стены и ширмы Уолл-стрит и прочие силы сталкиваются друг с другом, ограничивают возможности действия, определяют пассивность и активность друг друга в режиме отношения. Реляционная активность и пассивность, присущая Бартлби и рассказчику, превращает их из субъектов и объектов в *акторов*. При этом онтологический статус будет зависеть от того, с кем и как соотносится (без)действующее лицо. В «Политиках природы» французский философ и социолог Бруно Латур предлагает отказаться от классического онтологического разделения на субъект и объект. Идея в том, чтобы отцепить действие от дихотомии субъекта и объекта. Действовать или бездействовать означает, что акторы

31. Там же. С. 55.

32. Там же. С. 30.

33. *Cooke A. Resistance, Potentiality and the Law: Deleuze and Agamben on "Bartleby" // Angelaki: Journal of the Theoretical Humanities. 2005. Vol. 10. № 3. P. 82.*

*...просто изменяют других акторов посредством серии простейших трансформаций, перечень которых можно составить при помощи отчета о произведенных опытах*³⁴.

Все сущности и существа в этом смысле становятся действующими актантами, или актерами, как их называет Бруно Латур³⁵. Активность или пассивность, действие и бездействие оказываются тогда эффектом ситуативной расстановки сил, конфигурации влияний в политике Бартлби. В этом смысле следует не только отказать от картезианского субъекта в центре мироздания, отделяющего от себя и представляющего объекты. В свете объектно-ориентированной концепции Бартлби все эти петлевидные заигрывания с властью в духе Джудит Батлер, пассивность активного субъекта, субординация на деле оказываются поиском агентности (способности действовать) нечеловеческих объектов, или того, что является внешним по отношению к человеку. В реляционной объектно-ориентированной перспективе все может действовать и бездействовать: рассказчик-юрист, Бартлби и служащие конторы, стены и Уолл-стрит, небо и трава, цари и пророки, морские гребешки и рыбаки, Пастер и микробы.

Библиография

- Агамбен Дж. Грядущее сообщество. М.: Три квадрата, 2008.
- Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) // Неприкосновенный запас. 2011. № 3. С. 14–58.
- Балибар Э., Кассен Б., де Либера А. Sujet // Европейский словарь философий: Словарь непереводимостей. К.: Дух і літера, 2015. Т. 1. С. 164–192.
- Батлер Дж. Психика власти: теории субъектности. Харьков; СПб.: ХЦГИ; Алетейя, 2002.
- Де Серто М. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб.: ЕУСПб, 2013.
- Делёз Ж. Бартлби, или формула // Он же. Критика и клиника. СПб.: Machina, 2001. С. 96–124.
- Жижек С. Устройство разрыва. Параллаксное видение. М.: Европа, 2008.
- Жиран Р. Я вижу Сатану, падающего как молния. М.: Издательство ББИ, 2015.
- Йонас Г. Гностицизм (Гностическая религия). СПб.: Лань, 1998.
- Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: ВШЭ, 2014.
- Латур Б. Политики природы. М.: Ad Marginem, 2018.
- Мелвилл Г. Писец Бартлби // Он же. Повести. М.: Художественная литература, 1977.

34. Латур Б. Политики природы. М.: Ad Marginem, 2018. С. 95. Курсив автора.

35. Он же. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: ВШЭ, 2014. С. 68–74, 76–80.

- Фуко М. Субъект и власть // Он же. Интеллектуалы и власть. М.: Практикс, 2006. Ч. 3. С. 161–190.
- Хайдеггер М. Время картины мира // Он же. Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 58–61.
- Хайдеггер М. Положение об основании. Ст. и фрагм. СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 1999.
- Хардт М., Негри А. Империя. М.: Практикс, 2004.
- Шеллинг Ф. В. Й. Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах // Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 2. С. 86–158.
- Agamben G. *Bartleby, or Contingency* // *Idem. Potentialities*. Stanford: Stanford University Press, 1999. P. 243–271.
- Attell K. *Language and Labor, Silence and Stasis: Bartleby Among the Philosophers* // *A Political Companion to Herman Melville* / J. Frank (ed.). Lexington: The University Press of Kentucky, 2013.
- Bigalli F. “And Who Are Thou, Boy?”: Face-to-face with Bartleby; Or Levinas and the Other // *Leviathan: A Journal of Melville Studies*. 2010. № 3. P. 37–53.
- Blanchot M. *The Writing of the Disaster*. Lincoln; L.: University of Nebraska Press, 1995.
- Cooke A. Resistance, Potentiality and the Law: Deleuze and Agamben on “Bartleby” // *Angelaki: Journal of the Theoretical Humanities*. 2005. Vol. 10. № 3. P. 79–89.
- Derrida J. *The Gift of Death*. Chicago; L.: University of Chicago Press, 1995.
- Pardes I. *Melville’s Bibles*. Berkeley; Los Angeles; L.: University of California Press, 2008.
- Randall D. S. Neutered Narration and the Scriptive Fate of the Spirit of Ressentiment: “Bartleby the Scrivener” and Herman Melville // *Boundary 2*. 1986–1987. № 1–2. P. 85–106.
- Saxby J. Toadstools, Bartleby, and Badiou: Herman Melville’s Response to the Quest for the Historical Jesus // *Religion and the Arts*. 2015. № 19. P. 51–73.

BARTLEBY AS SUBJECT

DENIS SIVKOV. Associated Professor, Department of Theoretical Sociology and Epistemology, School of Public Policy, d.y.sivkov@gmail.com.
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), 82 Vernadskogo Ave., 119571 Moscow, Russia.

Keywords: subject; object; actant; relational ontology; action; *Bartleby*; Herman Melville.

Interpreting Bartleby the scrivener's formula, "I would prefer not to," in Herman Melville's short story is a challenge for many philosophers, and Bartleby's inaction also hints at a political position. The problem is how to explain this (in)action. It is unclear whether the scrivener is an active subject or a passive object. One potential solution would be to reduce Bartleby's duality to one of its modes. Michael Hardt and Antonio Negri claim the scrivener is a revolutionary subject; the uncertainty of his actions is regarded as a refusal. Hardt and Negri link this refusal with the next stage in the production of a new society and a new subject. Slavoj Žižek is also ambivalent about "Bartleby politics". Although the Slovenian philosopher criticizes the authors of *Empire*, he still declares Bartleby a parallax figure combining action and inaction. However, Žižek did not stake out a position on the ontological status of the scrivener: is he a cunning subject and escape artist, or is he a distinction-basis of the system itself?

In the contrary direction, Gilles Deleuze and Giorgio Agamben propose a program for the desubjectification of the scrivener from Wall Street. Here Bartleby is not a subject, but a figure of the ontology of a transcendental source which exists before all ontic differences. The essay offers a radically different solution to the Bartleby problem. It rejects the dichotomy between the subject and object and moves toward the object-oriented theory of action and relational ontology as presented in the works of Bruno Latour. In this ontology, any actors (human or non-human) may turn out situationally to be active or inactive, depending on their position in relation to other actors.

DOI: 10.22394/0869-5377-2021-3-175-188

References

- Agamben G. Bartleby, or Contingency. *Potentialities*, Stanford, Stanford University Press, 1999, pp. 243–271.
- Agamben G. *Griadushchee soobshchestvo* [La comunità che viene], Moscow, Tri kvadrata, 2008.
- Althusser L. Ideologija i ideologicheskie apparaty gosudarstva (zametki dlja issledovaniia) [Idéologie et appareils idéologiques d'État (notes pour une recherche)]. *Neprikosnovennyi zapas* [Emergency Reserve], 2011, no. 3, pp. 14–58.
- Attell K. Language and Labor, Silence and Stasis: Bartleby Among the Philosophers. *A Political Companion to Herman Melville* (ed. J. Frank), Lexington, The University Press of Kentucky, 2013.
- Balibar E., Cassin B., de Libera A. Sujet. *Evropeiskii slovar' filosofii: Slovar' neprevodimostei* [Vocabulaire européen des philosophies: dictionnaire des intraduisibles] (ed. B. Cassin), Kyiv, Dukh i litera, 2015, vol. 1, pp. 164–192.
- Bigalli F. "And Who Are Thou, Boy?": Face-to-face with Bartleby; Or Levinas and the Other. *Leviathan: A Journal of Melville Studies*, 2010, no. 3, pp. 37–53.

- Blanchot M. *The Writing of the Disaster*, Lincoln, London, University of Nebraska Press, 1995.
- Butler J. *Psikhika vlasti: teorii sub"ektsii* [The Psychic Life of Power: Theories of Subjection], Kharkiv, Saint Petersburg, KhTsGI, Aleteiia, 2002.
- Cooke A. Resistance, Potentiality and the Law: Deleuze and Agamben on "Bartleby". *Angelaki: Journal of the Theoretical Humanities*, 2005, vol. 10, no. 3, pp. 79–89.
- De Certeau M. *Izobretenie povsednevnosti. 1. Iskusstvo delat'* [L'invention du quotidien. Tome 1, Arts de faire], Saint Petersburg, EUSPb, 2013.
- Deleuze G. Bartlbi, ili formula [Bartleby, ou la formule]. *Kritika i klinika* [Critique et clinique], Saint Petersburg, Machina, 2001, pp. 96–124.
- Derrida J. *The Gift of Death*, Chicago, London, University of Chicago Press, 1995.
- Foucault M. Sub"ekt i vlast' [Le sujet et le pouvoir]. *Intellektualy i vlast': Izbr. polit. st., vystup. i interv'iu* [Intellectuals and Power: Selected Political Papers, Speeches and Interviews], Moscow, Praxis, 2002, pt. 3, pp. 161–190.
- Girard R. *Ia vizhu Satanu, padaiushchego kak molniia* [Je vois Satan tomber comme l'éclair], Moscow, Izdatel'stvo BBI, 2015.
- Hardt M., Negri A. *Imperiia* [The Empire], Moscow, Praxis, 2004.
- Heidegger M. *Polozhenie ob osnovanii. St. i fragm.* [Der Satz vom Grund. Articles and Fragments], Saint Petersburg, Laboratoriia metafizicheskikh issledovanii filosofskogo fakul'teta SPbGU, Aleteiia, 2000.
- Heidegger M. *Vremia kartiny mira* [Die Zeit des Weltbildes]. *Vremia i bytie. St. i vystup.* [Zeit und Sein: Articles and Speeches], Moscow, Respublika, 1993, pp. 58–61.
- Jonas H. *Gnostitsizm (Gnosticheskaia religiia)* [The Gnostic Religion], Saint Petersburg, Lan', 1998.
- Latour B. *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuiu teoriuu* [Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory], Moscow, HSE, 2014.
- Latour B. *Politiki prirody* [Politiques de la nature], Moscow, Ad Marginem, 2018.
- Melville H. *Pisets Bartlbi* [Bartleby, the Scrivener]. *Povesti* [Novellas], Moscow, Art Literature, 1977.
- Pardes I. *Melville's Bibles*, Berkeley, Los Angeles, London, University of California Press, 2008.
- Randall D. S. Neutered Narration and the Scriptive Fate of the Spirit of Ressentiment: "Bartleby the Scrivener" and Herman Melville. *Boundary 2*, 1986–1987, no. 1–2, pp. 85–106.
- Saxby J. Toadstools, Bartleby, and Badiou: Herman Melville's Response to the Quest for the Historical Jesus. *Religion and the Arts*, 2015, no. 19, pp. 51–73.
- Schelling F. W. J. *Filosofskie issledovaniia o sushchnosti chelovecheskoi svobody* [Philosophische Untersuchungen über das Wesen der menschlichen Freiheit]. *Soch.: V 2 t.* [Works: In 2 vols], Moscow, Mysl', 1989, vol. 2, pp. 86–158.
- Žižek S. *Ustroistvo razryva. Parallaksnoe videnie* [Arrangement of Rapture. The Parallax View], Moscow, Europe, 2008.